

**ДИГЛОССИЯ И СФЕРЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ
ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА И РУССКОГО ГОВОРА
В ОБЩИНЕ СТАРООБРЯДЦЕВ
СУВАЛЬСКО-АВГУСТОВСКОГО РЕГИОНА (ПОЛЬША)***

Стефан Гживовский, Мишал Глушковский

роживающие в Польше старообрядцы¹ составляют двуязычную общину. Примерно до 20-х гг. XX в. многие члены общины были одноязычными или владели польским языком лишь в ограниченной форме [Гживовский, Глушковский 2008: 204–205]. Доминирующей позиции русского говора способствовал факт, что община находилась в пределах Российской империи и не была отделена от русского языкового материка. С 1920-х гг., т.е. после восстановления независимого польского государства с его администрацией и образовательной системой можно говорить о возникновении и последующем развитии массового двуязычия среди старообрядцев сувальско-августовского региона. Уже тогда их билингвизм был связан с диглоссией, т.е. с появлением относительно стабильной языковой ситуации, в которой, в дополнение к первичным диалектам языка (которые могут включать как общий, так и региональный стандартный вариант), существует резко отличный от них, высоко кодифицированный (и часто грамматически более сложный) наложенный вариант, служащий языком обширного корпуса почитаемых литературных текстов либо предшествующего периода, либо другой речевой общности, изучаемый в основном через формальное образование и используемый для письменной и формальной уст-

---

* Статья написана в рамках проекта, финансируемого Национальным Научным Центром Республики Польша (NCN), грант № 2011/01/B/HS2/00505.

¹ В настоящее время численность старообрядческой общины в этом регионе по разным оценкам достигает 1000–2000 человек. До 1939 г. их было около 10 тысяч. В 1941 г. подавляющее большинство старообрядцев из окрестностей гг. Сувалки и Сейны, оккупированных в то время Германией, была переселена на территорию СССР. На свои усадьбы вернулись немногие. В августовском регионе, занятом в 1939 г. СССР, а лишь в 1941 г. Германией, жители деревень Габове Гронды и Бур были вывезены в 1943 г. на принудительные работы в Германию. Значительная часть из них после войны вернулась в разрушенные деревни, и они вместе с жителями других деревень этого региона и остатками общин сувальского региона составляли старообрядческое население этого уголка Польши численностью свыше 2000 человек. Цивилизационные преобразования второй половины XX в., а особенно его конца, коснулись этой этнической конфессиональной группы и привели к резким социальным изменениям в общине, которые отразились также на их исконном говоре и на отношении к польскому языку.

ной коммуникации, но не для обычной повседневной коммуникации [Фергюсон 2012: 55–56].

Согласно модификациям, которым Дж. Фишман подверг дефиницию Ч. Фергюсона, в данной статье термин диглоссия будет использоваться для обозначения иерархической системы, существующей в данной языковой общине на протяжении по крайней мере трёх поколений, в рамках которой каждый из языков употребляется в определённых сферах жизни [Fishman 1971: 286–287; 1985: 39]. Одна из важнейших инноваций Дж. Фишмана касалась родства языков, находящихся в ситуации диглоссии. В отличие от Ч. Фергюсона он считал, что близкое структурное родство кодов, вступающих в контакт, не является обязательным признаком диглоссии. Такая ситуация как раз имеет место в общине польских староверов, которые говорят на русском диалекте и польском языке, а кроме того в ограниченном объёме используют также церковнославянский язык². Все употребляемые ими коды принадлежат к славянским языкам, но к разным группам: восточно-, западно- и (в ограниченном объёме) южнославянской, т.е. согласно дефиниции Ч. Фергюсона, описывающей иерархические отношения и функциональное распределение вариантов одной системы, данный тип многоязычия можно рассматривать как не поддающийся анализу в рамках диглоссии. Однако понятие и степень родственности языков не поддаётся чёткой категоризации. Два основных кода, находящиеся в их распоряжении – русский говор и польский язык – проявляют значительную степень родства на всех уровнях системы, и поэтому есть предпосылки усматривать признаки диглоссионных отношений в повседневном общении старообрядцев в Польше. Несколько в стороне от этого находится церковнославянский язык, который имеет некоторые (ограниченные) признаки диглоссии по отношению к русскому говору, но не может входить в такие отношения с польским языком.

Анализ диглоссии уже более полувека является неотъемлемой частью исследований билингвизма. Большинство исследователей согласны, что практически в каждой двуязычной общине функции языков распределены, но в литературе можно встретить разные теоретические интерпретации и методы описания диглоссии. Различия в методах анализа связаны со сложностью распределения функций языкового поведения; ситуации, в которых все члены данного общества об искусстве говорят на языке L_1 , а о животноводстве на языке L_2 , считаются редкостью. Чаще всего, кроме

---

² Пассивное знание церковнославянского языка свойственно в основном представителям старшего поколения, активно участвующим в религиозных обрядах и умеющим читать литургические тексты. У младших членов общины всё чаще отмечается разрыв с традиционными ценностями, включая религиозные, и знание церковнославянского языка становится всё реже. Поэтому можно говорить о частичной триглоссии у старообрядцев этого региона.

сферы жизни и тематики на выбор языка в конкретном речевом акте влияет несколько социальных и психических факторов. Дж. Фишман в 1965 г. написал статью, заглавие которой выражает цель многих исследований диглоссии: «Кто говорит, на каком языке, с кем и когда?» [Фишман 2012]. К этим вопросам можно добавить и следующие: почему и в каких условиях? Состав рассматриваемых факторов варьирует в зависимости от доступного материала и социальной ситуации исследуемой группы. В анализе диглоссии прежде всего учитывается сфера жизни (*domain*). Исследователи выделяют разные домены, среди которых чаще всего повторяются: домашняя (семейная), религиозная (церковная), внешняя (улица), административная и трудовая [Ср. Fishman 1972: 440–453; Gardner-Chloros 1991: 36–45; 69–86 и др.]. Дж. Фишман предлагал наряду со сферами учитывать также форму коммуникации: письмо, чтение и устную речь, а также формальный, неформальный или дружеский характер общения [Фишман 2012: 73–74]. Анализируя выбор языка в разных ситуациях, он пытался выяснить проблему языкового сдвига, т.е. замены кода L_1 кодом L_2 . Исходя из этих критериев Дж. Фишман представил в таблице конфигурацию сфер доминанции идиш и английского языка в США [Там же: 76].

Также другие исследователи вводили добавочные критерии в матрицу сфер употребления языков. Л. Гринфильд в каждой из сфер жизни учитывал такие влияющие на выбор языка факторы, как место и тема разговора, а также характеристику собеседника, что расширяет анализ и увеличивает количество возможных конфигураций [Greenfield 1972]. Более сложную модель анализа предложил Р. Купер, включая в свою схему систему социальных ценностей, детерминирующую определённые типы языкового (и не только) поведения, ситуацию (время, окружение и распределение социальных ролей), нормы и ценности, определяющие роли участников разговора, личный или деловой характер общения. Все упомянутые факторы влияют на конечный элемент аналитической схемы Л. Гринфильда – выбор языка в конкретном высказывании [Fishman 1972: 452–453].

Как на данном теоретическом фоне представляется распределение языков в общине староверов в северо-восточной Польше? Первую попытку систематически описать диглоссию польских старообрядцев сделала А. Зелиньска, выделяя следующие сферы жизни исследуемой группы: семья, соседство, религия, работа, администрация, образование, СМИ [Zielińska 1996: 125–126]. В характеристике каждой из сфер она обратила внимание на такие параметры речевого акта, как тема и место разговора, а также тип собеседника [Там же]. Приготовленная таким образом схема анализа составляла основу социолингвистических полевых исследований, а её конечные результаты были представлены в таблицах, составленных как для всей общины (или её региональных разновидностей), так и для отдельных

информантов. Распределение польского и русского языков в начале 90-х гг. XX века представлялось следующим образом:

Таблица № 1

Схема функционального распределения польского и русского языков в сувальско-августовском регионе (1990-ые гг.) [по: Zielińska 1996: 126]

Русский	Сфера	Польский
+	семья	+
+	соседство	+
+	религия	–
–	работа	+
+	образование	+
–	администрация	+
+	СМИ	+

Таблица нуждается в пояснениях. А. Зелиньска сосредоточилась на взаимоотношениях польского и русского языков. Поэтому в анализе не учитывается церковнославянский язык, обслуживающий сферу литургии и молитвы, в которой данный код функционирует как единственный, хотя и не для всех членов общины. Характеризуя связанную с типом трудоустройства область деятельности старообрядцев, А. Зелиньска учитывала только место работы вне родной деревни, т.е. в близлежащем городе, где товарищами по работе были не старообрядцы. Надо также подчеркнуть, что в данном анализе диалект старообрядцев и общерусский язык рассматриваются как один «русский» код. В большинстве ситуаций представители исследуемой общины говорят на своём говоре, который в значительной степени отличается как от современного русского литературного языка, так и от среднерусского псковского диалекта, на котором говорили прибывшие двести-триста лет тому назад на польские земли выходцы из России. Причиной возникших различий является постоянное влияние польского языка на говор старообрядцев сувальско-августовского региона, заметное на всех уровнях языка³, а также внутреннее развитие говора, становящегося постепенно островным. Это развитие протекает почти независимо от общерусского языка по крайней мере на протяжении последних 90 лет, особенно с 1920 по 1939 г. и с начала 90-ых гг. XX-го в. по настоящее время. В анализируемый А. Зелиньской период многие старообрядцы в большей или меньшей степени всё же имели контакт с общим ва-

³ Проявления лексической, синтаксической и морфологической интерференции в говоре старообрядцев в Польше описывались подробно в работах Д. Пасько-Конечняк [Paško-Koneczniak 2011], а фонетической – С. Гжибовского [Гжибовский 2010 и др.].

риантом русского языка, которому учились в школе или усваивали посредством русскоязычных СМИ: радио, телевидения, периодических изданий или магнитофонных кассет с записями песен. В таблице, составленной А. Зелинской, оба варианта русского языка – полонизированный диалектный и общерусский (литературный) – рассматриваются как единый «русский код». Но надо помнить о том, что «русский язык», употребляемый старообрядцами в семейной сфере, является по сути дела несколько другим кодом, чем «русский язык» в школе или в СМИ⁴.

Исследования А. Зелинской составляют важный этап в анализе языковой ситуации и состояния диглоссии в 90-ые годы XX века, но в то же время заставляют исследователей двуязычия старообрядцев, проживающих в Польше, найти более точные методы анализа выбора языка в конкретном речевом акте, которые позволили бы выявить все оттенки этого явления.

Первая научная экспедиция сотрудников, студентов и аспирантов Института славянской филологии Университета им. Н. Коперника в Торуня состоялась в 1999 г., т.е. спустя всего лишь несколько лет после публикации исследований А. Зелинской. Торунские исследователи стали систематически изучать социолингвистический аспект функционирования староверского говора с 2004 г. Наблюдения, проведённые во время 12-ти экспедиций позволили продолжить и углубить результаты анализа, восходящего к началу 90-ых гг. XX столетия. Итак, если представить актуальное состояние диглоссионных отношений у польских старообрядцев на основании схемы, предлагаемой А. Зелинской, окажется, что конфигурации изменились лишь в двух сферах: образовательной и религиозной.

Таблица № 2

Схема функционального распределения польского и русского языков в сувальско-августовском регионе в начале второго десятилетия XXI в.

Русский	Сфера	Польский
+	семья	+
+	соседство	+
+	религия	+
–	работа	+
–	образование	+
–	администрация	+
+	СМИ	+

⁴ В высказываниях старообрядцев, обучавшихся в своё время русскому языку в школе, можно встретить утверждения, что он для них был по сути дела иностранным языком.

Причины изменений в сфере образования две. Первая из них – закрытие школ в деревнях Габове Гронды около города Августов и Водзилки, расположенной в 30 км к северо-востоку от города Сувалки⁵. В первой учились вместе жители Габовых Грондов и соседней староверской деревни Бур, а также поляки-католики из других небольших близлежащих деревень, но старообрядцы были в большинстве. Обучение русскому языку начиналось уже со второго класса, в то время как в других польских школах, где русский язык до 1989 г. был обязательным школьным предметом – с пятого. Несмотря на то, что изучали русский литературный язык, а не старообрядческий диалект, можно полагать, что до конца XX столетия в староверских местностях существовала форма образования, учитывающая языковой характер меньшинства.

Ликвидация школ в дд. Габове Гронды и Водзилки совпала с постепенной заменой русского языка в польской школьной системе английским, который в абсолютном большинстве школ является первым иностранным языком, изучаемым с самого раннего возраста. Нельзя считать, что после этих изменений русский язык полностью исчез из системы школьного образования в Польше – некоторые молодые старообрядцы учатся ему в средних школах. Однако по сравнению с периодом, когда литературный язык в староверских общинах употреблялся на уроках русского языка, а во время перерывов в неформальных разговорах учеников доминировал русский говор, который благодаря этому знали отчасти также их польские коллеги, роль данного кода в пределах школьных заведений сократилась практически до нуля.

Изменения в сфере религии, а вместе с тем использование польского языка также в разговорах на религиозные темы, были связаны с эволюцией языковой компетенции очередных поколений. Среди молодых старообрядцев, особенно в городской части общины, уровень владения традиционным говором снижается, часто ограничиваясь лишь пассивной компетенцией. Языковой сдвиг, т.е. переход на польский язык, в большинстве случаев появляется раньше утраты группового тождества и обращения в католичество, вследствие чего в религиозной жизни всё чаще принимают участие старообрядцы, для которых основным средством общения является польский язык. Они говорят о разных аспектах своего вероисповедования и культуры по-польски и таким образом вводят в религиозную сферу новый код [Głuszkowski 2011b: 140–141], хотя пока что

---

⁵ В Габовых Грондах была 8-летняя основная школа. Процесс её ликвидации начался в 1999 г. По материальным и демографическим причинам (малочисленность детей школьного возраста) очередные классы постепенно переносились в деревню Бялобжеги, удаленную от Габовых Грондов на 6 км. Примерно в то же самое время произошла ликвидация школы в другой старообрядческой деревне – Водзилки [Głuszkowski 2011a: 133], где функционировало первичное 4-летнее обучение.

это можно рассматривать всего лишь как внешнее явление, так как при непосредственном участии в молебнах они пассивно усваивают церковнославянский язык, который используют также по крайней мере в основных молитвах.

Различия в языковом поведении отдельных поколений являются одной из важных черт диглоссии, которые не были представлены в таблицах № 1 и 2. По нашим наблюдениям, в характеристике функционального распределения языков надо учесть ряд социальных факторов, которые позволят представить механизмы, влияющие на выбор одного из кодов в конкретных речевых ситуациях. Кроме сферы жизни и уже упомянутого поколения, важную роль играет происхождение участников, наличие свидетелей (пассивных участников речевой ситуации) извне, а также место, в котором происходит разговор. Последний из факторов нуждается в комментарии. Проведённые нами социолингвистические исследования показали, что языковое поведение представителей исследуемой общины, в том числе также выбор языка, в гомогенных старообрядческих деревнях во многом отличается от их поведения в польском окружении, например в городах, и это следует рассматривать как отдельный тип речевой ситуации.

Наиболее чётко представляется ситуация в школьной, административной и литургической сферах. В двух первых наблюдается полное преобладание польского языка. Функция церковнославянского языка остаётся прежней и ограничивается религиозной (литургической) сферой жизни. В остальных ситуациях выбор языка является более сложным, особенно если иметь в виду, что в отдельных сферах языки употребляются с разной интенсивностью, что было отражено в таблице № 3 с помощью одного или двух знаков '+'. Несмотря на сложность анализируемой проблемы, уже на первый взгляд можно заметить некоторые, часто довольно очевидные тенденции. Итак, выбору русского диалекта способствует пожилой возраст говорящего, неформальный характер разговора (семейная и соседская сферы), общение в гомогенном окружении (старообрядческие деревни), отсутствие лиц извне. Польский язык полностью преобладает в официальных ситуациях (администрация и образование). Его чаще выбирают молодые староверы, в гетерогенном окружении, в присутствии нестарообрядцев.

Особого внимания требуют те сферы, в которых параллельно употребляются оба кода. В таких случаях о выборе языка в конкретной речевой ситуации часто решает конфигурация социальных характеристик адресанта и адресата – их принадлежность к определённой возрастной группе.

Таблица № 3

**Функциональное распределение польского языка и русского говора
в сувальско-августовском регионе в начале второго десятилетия XXI в.
с учётом важнейших социальных факторов⁶**

Сфера	пассивные участники речевой ситуации извне	Русский говор			Польский язык		
		младшее поколение	среднее поколение	старшее поколение	младшее поколение	среднее поколение	старшее поколение
семья (в староверских деревнях)	нет	+	++	++	+	+	–
	есть ⁷	+	+	++	+	+	–
семья (вне староверских деревень)	нет	+	+	+	++	+	+
	есть	–	+	+	++	++	++
соседство (в староверских деревнях)	нет	+	++	++	+	–	–
	есть	–	+	+	++	++	+
соседство (вне староверских деревень)	есть	–	–	–	++	++	++
улица, общественные места (в староверских деревнях)	нет	+	++	++	+	–	–
	есть	–	+	++	++	+	+
улица, общественные места (вне староверских деревень)	есть	–	–	+	++	++	++
	нет	++	++	++	+	–	–
религиозная жизнь (в староверских деревнях)	есть	+	++	++	+	+	+
	нет	+	+	++	++	+	+
религиозная жизнь (вне староверских деревень)	есть	–	+	+	++	++	+
	есть	Польский					
школа, администрация (вне староверских деревень)	есть	Польский					
литургия	без значения	церковнославянский					

⁶ Модифицированный вариант схемы, представленной в: [Głuszkowski 2009].

⁷ В смешанных семьях.

Таблица № 4

**Тенденции выбора определенного кода
в зависимости от поколения адресанта и адресата**

Поколение адресанта	Поколение адресата	Русский	Польский
старшее	старшее	++	–
старшее	среднее	++	–
старшее	младшее	+	+
среднее	старшее	++	–
среднее	среднее	+	+
среднее	младшее	+	++
младшее	старшее	++	+
младшее	среднее	+	++
младшее	младшее	–	++

Выбор языка в зависимости от поколения, к которому принадлежит собеседник, обусловлен речевым этикетом в исследуемой нами группе. Так как среди пожилых членов общины, особенно в сельских местностях, основным средством общения считается русский говор, употребление другого кода в обращении к представителям старшего поколения рассматривается как проявление невежливости. Выбор польского языка в контактах с пожилыми членами семьи или соседями может оправдываться лишь недостаточной компетенцией говорящего в области традиционного староверского кода, т.е. русского говора. По отношению к адресатам среднего и младшего поколений выбор языка обусловлен прежде всего прагматическими критериями: язык предков в отличие от старшего поколения не вызывает у них положительного эмоционального отношения. Поэтому в контактах между младшим и средним поколениями главным фактором, влияющим на употребление одного из кодов, является языковая компетенция собеседников.

Анализ явления диглоссии и сфер употребления польского языка и русского говора у польских старообрядцев является особо актуальным, так как они влияют на конечные результаты интерференции польского языка в русском диалекте – прежде всего на процесс заимствований. Перечень новейших заимствований в говоре старообрядцев [см. Paśko-Konieczniak 2011: 135–184] и описания лексики их диалекта в 60-70-ые гг. XX столетия [Grek-Pabisowa 1983; Grek-Pabisowa, Maryniakowa 1980] показывают, что польскому влиянию быстрее всего подвергаются те тематические сферы, в которых преобладает польский язык, в первую очередь: администрация, наука, образование, техника. Можно выдвинуть гипотезу, что вытеснению русского говора из данной сферы общения предшествует

интенсивное проникновение в этой сфере польской лексики. Однако данное положение нуждается в проверке на основании количественного анализа исследуемого нами диалекта.

Литература

- Гжибовский 2010 – С. *Гжибовский*. Фонетические особенности русского говора старообрядцев в Польше // Развитие и вариативность языка в современном мире, ч. I. *Humaniora: Lingua Russica XIII* / Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2010. С. 43–55.
- Гжибовский, Глушковский 2008 – С. *Гжибовский*, М. *Глушковский*. Социолингвистическая ситуация старообрядцев в деревнях Габове Гронды и Бур // Русские старообрядцы. Язык. Культура. История. Сборник статей к Международному съезду славистов / Отв. ред. Л. Л. Касаткин, Москва, 2008. С. 200–214.
- Фергюсон 2012 – Ч. *Фергюсон*. Диглоссия (1959) // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия / Отв. ред. Н. Б. Вахтин. Спб., 2012. С. 43–62.
- Фишман 2012 – Дж. *Фишман*. Кто говорит, на каком языке, с кем и когда? (1965) // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия / Отв. ред. Н. Б. Вахтин. Спб., 2012. С. 63–83.
- Fishman 1971 – J. *Fishman*. The Sociology of Language // *Advances in the Sociology of Language* vol. 1 / J. Fishman. The Hague, 1971. С. 217–404.
- Fishman 1985 – J. *Fishman*. Bilingualism and Biculturalism as Individual and as Societal Phenomena // *The Rise and the Fall of Ethnic Revival* / J. Fishman et al. Berlin-New York, 1985. С. 39–56.
- Fishman 1972 – J. *Fishman*. Domains and the Relationship between Micro- and Macrosociolinguistics // *Directions in Sociolinguistics. The Ethnography of Communication* / J. J. Gumperz, D. Hymes. New York, 1972. С. 435–453.
- Gardner-Chloros 1991 – P. *Gardner-Chloros*. Language Selection and Switching in Strasbourg. Oxford, 1991.
- Głuszkowski 2009 – M. *Głuszkowski*. Dyglosja w społeczności старообрядców regionu suwalsko-augustowskiego // *Socjolingwistyka XXII-XXIII*, 2009. С. 115–131.
- Głuszkowski 2011a – M. *Głuszkowski*. Socjologiczne i psychologiczne uwarunkowania dwujęzyczności старообрядców regionu suwalsko-augustowskiego. Toruń, 2011.
- Głuszkowski 2011b – M. *Głuszkowski*. Język religii i jego znaczenie dla zachowania tożsamości przez polskich старообрядców // *Konstrukcje i destrukcje tożsamości. Wokół religii i jej języka* / E. Golachowska, A. Zielińska. Warszawa, 2011. С. 135–144.
- Greenfield 1972 – L. *Greenfield*. Situational Measures of Normative Language Views in Relation to Person, Place and Topic among Puerto Rican Bilinguals (1968) // *Advances in the Sociology of Language*, vol. 2 / J. Fishman. The Hague, 1972. С. 17–35.
- Grek-Pabisowa 1983 – I. *Grek-Pabisowa*. Słownictwo rosyjskiej wyspy gwarowej старообрядców mieszkających w Polsce. Rozwój i stan dzisiejszy. Wrocław: Ossolineum, 1983.

- Grek-Pabisowa, Maryniakowa 1980 – *I. Grek-Pabisowa, I. Maryniakowa*. Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1980.
- Paško-Koneczniak 2011 – *D. Paško-Koneczniak*. Wpływ polszczyzny na zasób leksykalny rosyjskiej gwary staroobrzędowców na Suwalszczyźnie. Toruń, 2011.
- Zielińska 1996 – *A. Zielińska*. Wielojęzyczność staroobrzędowców mieszkających w Polsce. Warszawa, 1996.

